

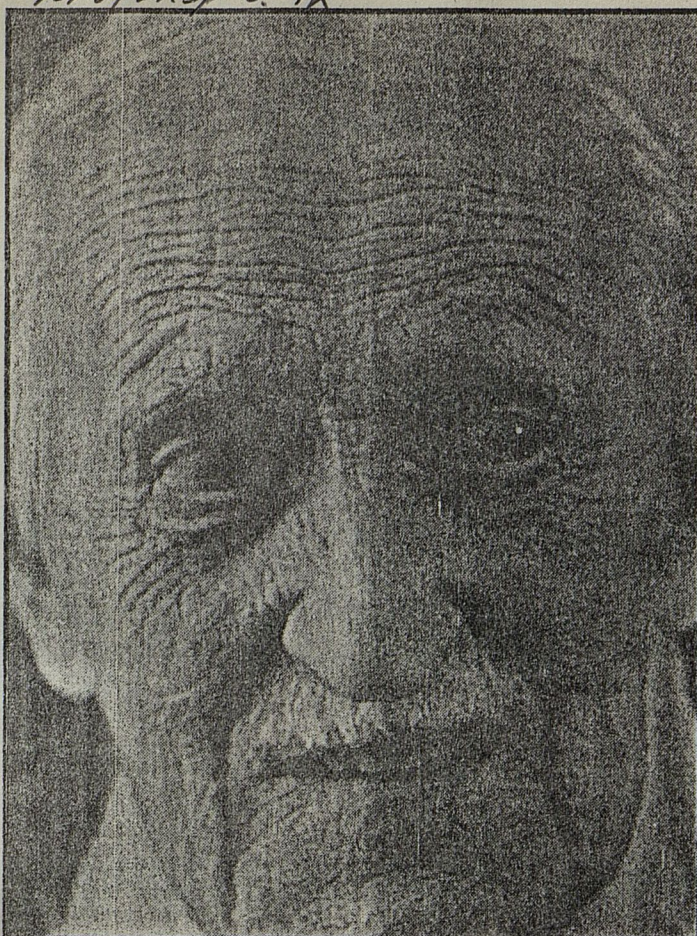
Ему восемьдесят девять лет. И он вообще не умеет драться, хотя жизнь то и дело пыталась его этому научить. И в «незабываемом 1919-м», когда он мотался по фронтам гражданской войны семнадцатилетним военкомом «Красного Октября»; и позже, в тридцать седьмом, — ночные допросы, тюремные камеры и пересылки ему, конечно, знакомы, выпустили, правда, через год — спасибо бериевской «новой метле»; и в сорок первом, в ополчении, и в немецком плену, и снова в лагерях уже на родине... В общем, уроков хватало, да все не впрок: не могу, говорит, человека бить по лицу — не для того, на мой взгляд, оно предназначено.

Это он вообще, про все лица говорит, а у самого — не лицо, а произведение искусства. И, как настоящее произведение, времени оно не подвластно — годы его не портят ничуть, скорее наоборот. Тонкое лицо, чуть удлинненное, оно точно вырезано из темного дерева — талантливо, с любовью. Ровный высокий лоб — и снежная россыпь легких длинных волос. И глаза — живые, блестящие, молодые.

И имя у него под стать лицу — Оболенский Леонид Леонидович.

Патриарх советского кинематографа — впервые он появился на киноэкране в 1920 году. Это был второй фильм Льва Кулешова — «На красном фронте», и играл там Оболенский, представьте себе, красноармейца. Причем по сюжету ему, естественно, приходилось драться, и не где-нибудь — на крыше вагона.

— Эту сцену Кулешов целиком с помощью монтажа выстроил. Подражаться толком, как полагается красноармейцу, я так и не смог. И делали так: я махну рукой — кадр. Махнет противник мой — еще кадр. И так

Редкий дар Леонида Оболенского — искусство ЖИТЬ КРАСИВО

далее. Собрал драку, как часики. Но получилось достаточно правдоподобно. А учили меня долго, старательно, и боксировать пробовал — бесполезно...

Вы только не подумайте, что он какой-то неуклюжий, не от мира сего, нет, напротив — воплощение грации и пластичности. «...Учился бить чечетку под руководством несравненного Леонида Леонидовича Оболенского» — это не чьи-нибудь слова — Эйзенштейна! Они познакомились в двадцать третьем, в театре Мейерхольда. Всеволод Эмильевич пригласил Оболенского, чтобы тот «подучил его ребят степу». Он, конечно, подучил — чечетка в то время была для Оболенского одним из основных средств к существованию — лихо отбивал ее в одном из московских кабаков, там же и танцевал «на заказ» с «напмажскими тетками». Незаурядные успехи делал и в гимнастике, и в акробатике, даже в балете — тогда же, в двадцать третьем, учился в балетной школе небезызвестной в то время Шаломытовой. Разыгрывал скетчи, выламливал лихие танцевальные номера в знаменитом «Кривом Джимми» — популярном в двадцатые годы эстрадным театре. Сам Касьян Голейзовский пригласил его Фавна танцевать, а это вам не шутки: у Голейзовского каждый танцор — человек-каучук. А партнершей Оболенского в «Послеполуденном отдыхе Фавна» была блистательная Зинаида Таракановская — в те времена звезда первой величины, чье имя — целая эпоха в истории советского танца. Впрочем, что я все именами козыряю, Оболенский и сам — человек-эпоха.

К середине двадцатых остепенился — женился и занялся режиссурой. Остепенился? Да что вы, бросьте! Посмотрите его фильмы тех лет: «Эх, яблочко!», «Кирпичики» — бесшабашность, юмор, фейерверк фантазии! А в двадцать девятом «сорвался» в Берлин — аппаратуру необходимую раздобыл и кое-какой опыт у немцев в съемках звукового кино перенял. Там, в Берлине, довелось ему потанцевать аж с Марлен Дитрих.

— Она была певичкой кабаре. Отличалась длинными тонкими ногами, невероятным изяществом, у нее была высокая талия и полная грудь. Глаза...

Основательность материалистического тезиса

«Бытие определяет сознание» мы теперь можем оценить по достоинству — если тяжкая беспросветность первого окончательно не погасит искру последнего.

Изуродованная психика. Дефицит товаров породил (а может, просто обнажил?) явление гораздо более страшное — дефицит человечности.

«Новый человек», которого 70 с лишним лет выращивали в экстремальных социалистических условиях, кажется, вырос — и перестал быть

похожим на человека. Но я, собственно, не об этом.

Наоборот, хочу про одного «старого» человека рассказать.

Ее пригласил американский режиссер Йозеф фон Штернберг, который приехал в Берлин снимать «Голубого ангела» и искал для съемок кафешантанную певичку. Выбрал Марлен Дитрих. Я тогда начал посещать съемки, ибо Эйзенштейн и фон Штернберг быстро нашли общий язык — Эйзенштейн пленил его эрудицией, а он пленил Эйзенштейна Америкой, тамошними условиями работы. Я почти каждый день на съемку к нему таскался: смотрел, как режиссер вкалывает, как в павильоне микрофон ставят, как эффекты акустические делают...

И вот уехал Эйзенштейн, настал и мой последний день. Я пошел в отель «Эбен» — оставались у меня еще марочки, конвертируемые рублики — посидеть, выпить коньячку, немцам сказать «адью». Сажу. Со мной переводчик в штатском — один туда не хожу. И вдруг подходит ко мне этот маленький Йозеф фон Штернберг — метр с лишком, ну чуть выше этой лампы. Вот такой. И говорит: «Сергей Михайлович уже уехал?» Я говорю: «Да». — «А мы с Марлен Дитрих уезжаем завтра. Последний день она у себя на родине». Потом говорит: «Она хочет танцевать. Пригласите ее, пожалуйста». Оказывается, Эйзенштейн ему рассказывал, как я с голодухи танцевал с напмажскими в ресторанах и кабаках. Эдакий мальчик — ты видал? — с усами да еще во фраке, говорил: «Раз-решисте пригласить?»

И — «Шимми-шимми-шимми, три-та-тури...» И мне за это платили червонец в ночь плюс кормежка бесплатная. И поэтому фон Штернберг приперся не к кому-нибудь из немцев, чтобы ее пригласить, а ко мне — он сам-то с ней танцевать не может, у него в паре с Марлен рука не на талии лежать будет, а гораздо ниже... Я подошел к ней, пригласил (в этом месте звучит ностальгически нежная фраза на отличном немецком), она говорит: «Битте». Танцевать с ней было очень легко — так же легко, как с Любашей Орловой. А с Любашей Орловой...

Стоп. Это как-нибудь в другой раз. Таких историй у Оболенского — бездна. А мы попробуем продолжить рассказ о нем самом. А то я все сыплю и сыплю именами! Знаете, удержаться трудно: в круг его общения входили и Бабель, и Эйзенштейн (не путать с Эйзенштейном!), и Платонов, и Чаянов... Все! Клянусь, не буду больше! Только в оправдание свое прибавлю — это ведь тоже, согласитесь, характеризует: скажи мне, кто твой друг...

Оболенский выжил в этой кровавой кутерьме тридцатых годов — не мог не выжить. Неразрушимое жизнелюбие, оптимизм, умение находить какие-то маленькие радости даже в самых аховых ситуациях и никогда не отчаиваться, все напасти встречать улыбкой — эти каче-

ства помогли ему пройти причудливым, жутким порой лабиринтом своей удивительной судьбы и выбраться невредимым. Готовым жить, любить, работать. Говорят, чудес не бывает, но в семье-десть втором случилась-таки чудо: на киноэкране вновь появился Леонид Оболенский. Появился всерьез и надолго — на полтора десятилетия. Аристократы истинные в стране повывелись, но фильмы про них почему-то еще снимают — а играть кому? Тут и вспомнили про Оболенского. Кинорежиссеры явно пытались «заполнить» им пустующее «экранное место» Вертинского: прелаты и епископы, графы и князья — кто с подобными ролями лучше княжеского потомка справится? Стереотип их восприятия давно создан, и очень удобно, когда есть человек, способный легко, с блеском его воплотить. Но Оболенский и стереотип — «две вещи несовместные». Играл он и литовских крестьян — в Литву его вообще частенько звали сниматься, и загадочных каких-то мудрых стариков — фильм «Душа», помните, с Софией Ротару и «Машиной времени»? И даже инопланетянина сыграл в фильме «Молчание доктора Ивенса». «Золотую нимфу» получил за лучшее исполнение мужской роли в картине «На исходе лета» — многие ли актеры могут этим похвастаться? Тем более что было тогда Оболенскому уже 77. Работал по-молодому, несколько ролей за год: по всей стране сниматься ездил из своего Мисаса — есть такой городок под Челябинском, он там живет уже лет двадцать в однокомнатной квартирке и уезжать никуда не хочет.

Сейчас он прикован к креслу — поскользнулся несколько лет назад, очень спешил. Результат — перелом бедра. Впрочем, «прикован» — это я фигурально, для красного словца — «отковаться» ему ничего не стоит, на вид, по крайней мере. Непоседа ужасный — минуты спокойно не просидит. Звонко как-то утром к нему в дверь — открывает сам. Есть у него тележка такая металлическая, миллиционер знакомый сделал — четыре ножки на колесиках, две перекладины, чтоб руками опираться. Дверь открыл: «О-о, привет, привет! Раздевайся — и сразу на кухню. Буду угощать!» И — начинается священнодействие, незабываемый мини-спектакль: Оболенский готовит завтрак. Уселся в кресло посреди кухни, и быстро-быстро, как в немом кино, засновали туда-сюда прозрачные руки с длинными породистыми кистями. Изобретение свое продемонстрировал: к металлическому скелету утюга приделана как-то длинная деревянная ручка — чтобы гренки быстро жарились. Завтрак готовится молниеносно и элегантно, а гость развлекается неподражаемыми забавными прибаутками. Перекусили быстро и вкусно — можно идти работать. И работает вечно: интервью дает, пишет что-то, вспоминает, благо есть что вспомнить. Если бы, говорит, не нога, я бы еще бегал, а раз бегать не могу, моя задача теперь — вспоминать, как все было.

Дефицита в общении он не испытывает, ему каждый человек интересен, а уж самого его бесконечно можно слушать — про время забудешь. Предмет разговора может быть самым разным — от философии Гераклита до последних новостей с очередного съезда.

Он очень красивый человек, Леонид Леонидович Оболенский, — не боюсь повториться. Не только внешне: красиво его отношение к жизни, к женщине, вообще к людям — общается с ним, точно переносишься в благородный прошлый век. Красивые его манеры и поступки, и мысли свои он излагает по-мужски красиво, без патоки и витийства. И жена у него, между прочим, красивая («она меня немного помоложе — лет на шестьдесят, кажется, или что-то около... но это не страшно») — наверняка предмет для сплетен и слухов. Да что им слухи — живут себе счастливо уже одиннадцатый год, и их союз, верьте слову, не выглядит мезальянсом. И дай им Бог счастья еще на долгие годы.

В умении радоваться жизни он любому молодому сто очков вперед даст. Жить красиво и радостно — вообще редкий дар, а тем более в нашей стране, где трудно чему-либо обрадоваться. Это, видно, Богом дано.

Один давний знакомый Оболенского спросил меня: «Как вам показалось, что в этом удивительном человеке главное?» Я тогда ответить не смог. А теперь думаю — любопытство, с детства утраченное. Оно, наверное, дает и интерес к жизни, к людям, к тому, чего еще не знаешь, к тому, что было и что будет. Помогает преодолеть и годы, и болезни — и работать, придумывать что-то, творить, радостно встречать каждый день, подаренный судьбой, и радостью своей заражать окружающих. Вы, конечно, поняли, почему слово «старый» в начале своего рассказа я взял в кавычки...

Владимир Мартынов.